

ЗАВИСИМОСТЬ, ОБОРОНА И «АТАКА СЗАДИ», ИЛИ ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИИ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ЯПОНИИ

После захвата в 1942 году Сингапура, обороняемого англичанами, японский генерал Т. Ямасита заявил: «Белые происходят, по словам их собственного ученого Дарвина, от обезьян. Мы же, японцы, приходим от богов. Кто выиграет эту войну между обезьянами и богами, это совершенно ясно»[1]. «Богам», как известно, не повезло; они проиграли войну. И на какое-то время были оккупированы белыми — американцами. Единственное, что должно было утешить «богов», так это то, что многие американцы не признают Дарвина, а значит, и происхождение от обезьян. Видимо, американцы тоже происходят от богов, только других. Скорее всего. От бога Тельца. В какой-то степени это позволяло руководителям послевоенной Японии с меньшими психологическими потерями выносить бремя зависимости от США, которое они безропотно несут вот уже более 40 лет. Но является ли такая зависимость «бременем»? Странный вопрос»,— скажет любой. «Любой, но не японец»,— назидательно укажут знатоки человеческих душ, то есть этнопсихологи и культурологи. Разберемся.

Анатомия зависимости

Сразу оговоримся, что здесь речь пойдет не об анализе причин этой зависимости, связанных целым комплексом военно-политических и экономических условий, определивших характер американо-японских отношений после войны. Нам важно понять, как уживаются в мышлении японцев на первый взгляд несовместимые явления: покорное следование за стратегией Вашингтона и одновременно торгово-экономическая борьба на равных с американскими монополиями, чувство подчинения и превосходства, принимающее формы национализма преимущественно с антиамериканской направленностью. То, что иногда называют синдромом любви и ненависти.

Не только этнопсихологи, но и многие экономисты полагают, что объяснение этих «несовместимостей» лежит в области культуры Японии, точнее, во взаимодействии культуры и политики. Не вдаваясь в крайности, рассмотрим некоторые стороны этой взаимосвязи[2].

Большинство исследователей социально-психологического портрета японцев исходят из признания, что его истоками являются особенности структуры японского общества. На Западе, считают они, сложились «горизонтальные» общества: социальные группы

в них объединены качественно однообразными по классовой и социальной принадлежности элементами. Япония же представляет собой общество с «вертикальной» структурой, и его ведущим организационным принципом является принцип места ба. Людей в «вертикальном» обществе объединяет в группы не их качественная однородность, а единство места действия, единство организационных рамок, или «дом» из. «Домом» может быть семья, община, компания, государство, нация.

Принцип «места» в каждом «доме» устанавливает иерархию старшинства, то есть внутривидовый порядок; принцип «дома» формирует дух единства всех его членов, принадлежность именно к тому или иному «дому». Отсюда корни такого словоупотребления: наша компания, наши соседи, наша страна, наша родина...

Причем из важнее ба, дух важнее порядка, точнее, сам дух как раз и обеспечивает порядок ба, поскольку суть первого определяется системой беспрекословного подчинения младшего старшему (система оябун). Из этого возникает вопрос: что обеспечивает гармонию в из?

По мнению этнопсихологов, эту гармонию порождает специфическое осознание японцами своего «я». В западных представлениях «я» выделяет индивидуум, автономизирует индивидуум, делает его целостным по отношению к социальной среде. Японское «я» дзибун не обладает таким самосознанием. Дословный перевод дзибун означает «моя доля», «моя часть», то есть включает в себя нечто большее, чем просто индивид, поскольку подразумевает более обширное пространство, частью которого является личная доля индивида. Такое осознание себя как дзибун предопределило острую потребность в ориентации на зависимость, передаваемую словом амаэ.

В приближенном переводе оно означает «благожелательное отношение к духу зависимости» «желание быть любимым». Психологическим прототипом амаэ является отношение ребенка к матери. В социальной среде амаэ означает, что сильный проявляет терпимость к слабому, признает свои обязательства перед ним, заботится и защищает его, не требуя взаимных обязательств. Именно чувством амаэ объясняют некоторые специалисты американо-японских отношений жесткую позицию лидеров текстильной промышленности Японии на переговорах с США в 1969–1971 годах. Они, по их мнению, исходили из необходимости заботиться об интересах небольших обязательств перед крупными текстильными компаниями. Подобный тип отношений, считают специалисты, японцы распространяют и на свои связи с США: Соединенные

Штаты подходят к роли старшего партнера, старшего брата, от которого можно много получить и многого ожидать[3].

Некоторые ученые объясняют подчиненное положение Японии во взаимоотношениях с США традиционным японским «конформизмом, перешагнувшим границы»[4]. Однако конформизм предполагает идентификацию, соглашательство, растворение своего «я» в среде или в отношениях с более сильным партнером. Встав на эту точку зрения, невозможно тогда объяснить непрекращающиеся конфликты между Японией и США. Возникающие на основе экономических и политических противоречий, эти конфликты усугубляются антагонистическим взаимодействием конфуцианской морали и принципом амаэ, перенесенным на взаимоотношения с США. Поскольку последние являются лидером западного мира, постольку Япония находится и должна находиться в подчиненном положении перед Америкой, что соответствует логике конфуцианских канонов. В какой-то степени этим (конечно, с большой долей натяжки) можно объяснить столь послушное равнение Токио на Вашингтон, по крайней мере в сфере тех проблем, которые не затрагивают двусторонние отношения. Когда же США начинают оказывать давление на Японию в вопросах, касающихся непосредственно двусторонних связей, японцы воспринимают это как нарушение принципа амаэ, в соответствии с которым старший, более сильный, партнер должен с уважением относиться к интересам младшего. Но поскольку столь непрагматичный постулат постоянно нарушается Вашингтоном, возникают трения и конфликты, принимающие форму различных «автомобильных», «электронных» и прочих «войн». Другими словами, различия в культурных традициях, специфика мышления ведут к недопониманию, усугублению противоречий даже среди классовых союзников.

Харагэй, или Японская техника ведения переговоров

Источником подобного недопонимания со стороны Запада является также практика принятия решений в Японии, которая отличается от американско-европейских вариантов.

В основе процедуры принятия решений в Японии лежит традиционная система ринги (или хинги – приблизительный перевод: получение согласия на принятие решений путем опроса без созыва совещаний). Суть ее состоит в урегулировании различных мнений и избегании противоречивых мнений. На предварительной стадии – нэмаваси («увязка корней» или заблаговременная подготовка решений) – идет фактическая

подготовка условий для достижения согласия всех заинтересованных участников. В результате споры на официальном уровне становятся формальными, а дебаты, по существу, проходят на стадии нэмаваси. Таким образом, достигается не только консенсус, но и, что не менее важно, происходит приобщение каждого члена (или институционального блока) к процессу формирования решения, и тем самым эта система отражает природу признания и уважения социального статуса участников,

Система ринги и нэмаваси имеет свои плюсы и минусы. Как считает советский японовед А. Н. Курицын, «система ринги как групповой метод принятия решений основывается на достижении взаимного согласия всех членов групп, именно в этом проявляется ее основная особенность»[5]. Ринги выполняет функцию приобщения большого круга людей или звеньев бюрократического аппарата к политике, и тем самым создается имидж соблюдения буржуазной демократии по-японски.

К недостаткам этой системы относится затянутость, отсутствие быстрой реакции на те или иные критические ситуации. Но «к недостаткам» в понимании европейцев, с точки зрения японцев, подобная медлительность в реакции является достоинством, преимуществом. Такой тип поведения – это еще одна сторона их культуры, обозначаемая японским словом авасэ (согласие, приспособление). Так, в ходе массового опроса (в 1978 году) было выявлено: при возникновении какой-либо сложной проблемы установки «ждать и смотреть» в политике придерживался 61 % опрошенных. Эта своеобразная черта японской психологии формировалась под воздействием принципа «у вэй» древнекитайского философа Лао Цзы: «ничего не делая, добьешься наивысшего добра» (насадзари-о моттэ сайко-но дзэн-то насу). Любопытно, что в японской внешней политике эта философия «ничего неделания» преломляется в принцип «wait and see diplomacy».

На систему ринги и нэмаваси очень похожа система харагэй (дословный перевод: игра животом), введенная в политический лексикон профессором Университета ООН в Японии К. Мусьякодзи для выделения японского типа переговоров в отличие от американского, обозначаемого словом эраби (выбор)[6]. Коротко, суть различий в следующем; для модели эраби уже в начальной стадии переговоров определяется перечень проблем, четко выделяются главные проблемы, стороны определенно выражают свои позиции. Вырабатываются общие принципы, неукоснительное следование которым считается обязательным для каждой стороны. Вместе с тем в заключительном документе могут фиксироваться проблемы, по которым мнения сторон могут и не совпадать.

Система харагэй предусматривает урегулирование различных позиций с упором на те проблемы, по которым, скорее всего, будет достигнуто взаимопонимание.

Первая, коммуникативная стадия (авасэ) предполагает налаживание дружеских персональных отношений, проявление готовности понять позиции друг друга без предварительных условий и, самое главное, без обсуждения конкретных проблем.

Вторая стадия – постепенный переход к основной теме переговоров, который осуществляется намеками, иносказаниями, без четкого объяснения позиций.

На третьей стадии обсуждаются сами проблемы без привязки их к каким-либо общим принципам. Для каждой проблемы оговариваются особые специальные обстоятельства, трудности их разрешения. Предполагается, что подписанный совместный документ будет составлен таким образом, чтобы дать возможность каждой стороне действовать самостоятельно, по своему усмотрению в зависимости от конкретных ситуаций, складывающихся уже после подписания документа. Считается, что эти действия будут отвечать интересам партнеров, то есть духу их дружеских взаимоотношений, достигнутому еще на первой стадии переговоров, а не букве совместного документа, которую всегда можно интерпретировать в интересах одной стороны.

Другими словами, харагэй – это японская техника ведения переговоров, которая не раз и не два доводила до белого каления американских бизнесменов и политиков. Американцы не выдерживали уже первой стадии – авасэ. Однако те бизнесмены из США и стран Западной Европы, которые хорошо изучили страну, считают, что соглашения, достигнутые на основе японской манеры ведения переговоров, оказывались более надежными, чем те, которые подписаны в стиле эраби.

Естественно, японцы высоко ценят свой тип ведения переговоров, исходя из того, что он ведет к установлению «дружеских отношений». Профессор М. Кунихиро пишет: «В харагэй проявляется чувство эмоциональной общности, то есть желания получить особое внимание со стороны партнера, который в свою очередь стремится получить ответное дружеское расположение, стать членом вашей группы»[7]. Особенно эффективно харагэй действует среди людей одной культуры. Игнорирование этой системы представителями «чужой культуры» ведет, по Кунихиро, к «неприятностям и недопониманию».

Для правящих кругов Японии система харагэй и в самом деле удобна. Она позволяет им довольно длительно вести переговоры, во время которых они полнее и лучше узнают намерения партнера. Одновременно появляется возможность выявить степень невыгодности или преимуществ с точки зрения собственных интересов посредством «прокручивания» нэмаваси уже в своей среде. Короче говоря, за время переговоров учитываются все вероятные компоненты предстоящего соглашения или дипломатического документа. И когда наконец достигается окончательное решение, все работы по его реализации могут быть выполнены очень быстро. Намного быстрее, чем у тех же американцев, поскольку то, что у японцев было сделано на предварительной стадии в процессе ведения переговоров, у компаний США начинается после их завершения.

Японский меч, или Атака сзади

Специфичным выглядит поведение японцев в случаях надвигающейся опасности. Его можно сравнить с той позицией, которую принимают кони, защищаясь от нападения. Как известно, они разворачиваются к нападающему спиной и защищаются задними копытами. «Оборонительная позиция» характерна и для японцев. Так, когда нужно защитить ребенка, японка склоняется над ним, повернувшись спиной к опасности, в то время как американка или европейка прячут ребенка за спину и встречают опасность лицом к лицу.

«Оборонительную» позу японец занимает во всех тех случаях, когда европеец встал бы в атакующую позицию. Подобное поведение нашло свое выражение и в лексиконе японцев, например в словосочетании сэ-но кими (ты, который за спиной). Чувство «спины» привело к утверждению принципа хайгосюги, то есть осознание опасности, грозящей сзади, и стремление нападать сзади.

Японский меч устроен таким образом, что им легко обороняться от врага, находящегося сзади, в то время как европейский меч приспособлен для атаки вперед. Именно поэтому основной атакующий маневр у японцев еще в древности состоял в том, чтобы войти в задние ворота замка, подойти к противнику с тыла, причем внезапно. Именно этим в некоторой степени объясняется и присущая Японии манера нападать на противника без объявления войны. Таким образом Япония действовала в отношении России (1904), Китая (1937), США (1941).

Принцип «обороны тыла» и «атаки сзади» можно проследить и во внешне-экономических связях с торговыми партнерами-противниками, особенно в отношениях с США. Хорошо известно недовольство американцев по поводу закрытости рынка Японии. Причем формально – с точки зрения юридических норм – он более открыт, чем американский. Однако японские монополии путем введения различных усложненных процедур, так называемых нетарифных барьеров и т. д., создают невидимый частокол препятствий, который крайне затрудняет проникновение иностранных товаров на японский рынок. В последнее время, начиная с 1985 года, под давлением Вашингтона сделано немало для «открытия» японского рынка, что, правда, мало повлияло на состояние торговых отношений Японии с США. Раздосадованные такой ситуацией конгресс и правительство в Вашингтоне вынудили Токио в очередной раз принять «добровольно» обязательства по сокращению экспорта, ужесточили режим тарифной системы, понизили курс доллара по отношению к иене и т. д. Все это не обескуражило японских монополий. В ответ они обратились к своему излюбленному принципу «атаки сзади», то есть резко увеличили потоки прямых инвестиций в США, которые в марте 1987 года исчислялись суммой в 35, 5 млрд. долл., причем на последние два года пришлось почти 20 млрд. долл.[8] К середине 1987 года в США функционировало 435 предприятий только в обрабатывающей промышленности, которые полностью или частично принадлежат Японии[9]. К этому можно добавить скупку банков, недвижимости и внедрение японского капитала в финансовую систему США–все это в возрастающих масштабах. Таким образом, «атака сзади» дает не менее весомые результаты, как и «оборона тыла».

Любопытно также, как японский язык отражает характер соперничества монополий с собственным правительством, с другими монополиями внутри страны, с иностранными монополиями, В первом случае употребляется термин *юко кёсо* (эффективное соперничество), во втором – *кётётэки кёсо* (соперничество на основе сотрудничества), в третьем – *като кёсо* (жестокое или непримиримое соперничество).

«Оборонная» атака, приносящая японским монополиям победы в империалистическом соперничестве, казалось бы, должна была свести на нет «чувство зависимости» от США, привести американо-японские отношения в состояние равноправного партнерства. На деле же неравноправие сохраняется точно так же, как и зависимость Японии от внешнеполитической стратегии США. Реакцией на такое положение является и всплеск национализма, который наблюдается в настоящее время.

ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: СИНДРОМ ПРЕВОСХОДСТВА ИЛИ УЩЕРБНОСТИ?

«— Все японское стало подлинной религией Японии. Японцы — это боги!
— Японскую расу следует считать выдающейся, поскольку со времен богини Аматаэрасу японцы чисты, как самое лучшее неразбавленное рисовое вино — сакэ.
— Иностранцы должны быть в состоянии цитировать Басё так, как мы цитируем Рильке»[10].

Угадайте, кому принадлежат эти высказывания? Довоенным философам-националистам К. Нисида, Н. Такаяма, С. Гондо, Т. Вацудзи? Или милитаристам Г. Танака, Х. Тодзио, К. Хиранума? Нет, не угадали. Оказывается, так говорят философы и политики современной Японии. Первое высказывание принадлежит профессору из Токио С. Ямамото, второе — бывшему премьер-министру Я. Накасонэ, третье — философу и драматургу Т. Умэхара.

Что это? Случайный всплеск национализма или мощная волна — предвестник бури? Ностальгия по прошлому или заявка на будущее? Попробуем разобраться.

Головокружение от успехов, или «Захват» Америки

«В XIX столетии Великобритания создала международный экономический порядок и возглавила его. В XX веке то же самое сделали американцы. Настало время Японии создать такую международную систему, которая отразила бы ее величие и стратегические интересы»[11].

Эту фразу приписывают многим в Японии. В данном случае газета «За рубежом» процитировала М. Исидзука, одного из деятелей националистической группировки «Кокумин кайги». Автор статьи из «Шпигеля» Т. Терцани, приводя почти дословно это высказывание, сослался на «стратега» из НИИ Номура. Приходилось эту мысль слышать из уст и других японских политиков и идеологов. А раз так, значит, она отражает настроение определенных слоев японского общества. И как считают эти слои, основания для таких настроений существуют.

Действительно, в 80-е годы страна не только укрепила свой экономический потенциал, но, что особенно важно, начала обходить своего влиятельного союзника — США по некоторым «технотронным» позициям. Речь идет не только о колоссальном

положительном сальдо (около 50 млрд. долл.) в торговле с США, но и об опережении заокеанского партнера в автомобилестроении, робототехнике, в темпах компьютеризации общества и т.д. Средства массовой информации с удовлетворением отмечают очередные победы японцев над янки. С восторгом сообщается, как Япония помогает «больной» Америке оздоровить бюджетный дефицит, скупая облигации американского правительства. Во весь голос газеты протрубили о том, что Япония вышла на первое место в мире по заграничным нетто-активам, которые в 1986 году достигли 180, 4 млрд. долл. С нескрываемым удовлетворением пишется также об успехах «атаки сзади», которую, демонстрируют японские бизнесмены в самих Соединенных Штатах, где они скупают банки и недвижимость. «Завоевателем Америки» назван президент одной из компаний С. Кобаяси, закупивший 37 первоклассных небоскребов в Нью-Йорке и в других городах на сумму 2 млрд. долл.

Нарисованная средствами массовой информации картина «упадка Америки», конечно же, не отражает действительности, хотя в определенной степени и обнажает «больные места» в экономике США. До «упадка», безусловно, далеко, а до превосходства Японии над США—еще дальше. Достаточно сопоставить ВВП или расходы на НИОКР двух держав, чтобы понять, сколь необъективно оцениваются соотношения экономических сил партнеров-союзников. По первому показателю Япония отстает от США более чем в 2, 5 раза, по второму – более чем в 2 раза[12].

Но упор в пропаганде делается, естественно, на победах Японии, при этом активно эксплуатируются в этих целях и заявления конгрессменов по поводу вторжения «японских самураев» на американский рынок.

Головокружение от успехов над янки в определенной степени и спровоцировало взрыв национализма в стране, который охватил часть «интеллектуальной» элиты, одновременно явившись стимулом для активизации националистических организаций типа «Нихон-о мамору кокумин кайги» (Национальный совет в защиту Японии), «Кокка кихон мондай досикай» (Ассоциация по обсуждению фундаментальных проблем государства) и т. д.

Идеологами национализма вновь воскрешаются теории «Нихондзин рон» («Теория о японцах») или «Нихон бунка рон» («Теория о японской культуре»), служившие еще с домэйдзинских времен основой для пропаганды исключительности японской расы. Бум этих теорий в современной Японии – это уже не просто всплеск национализма, хотя еще и не волна, но это и прошлое, а возможно, и будущее. Как знать?

Синдром: «Япония – превыше всего»

Крайне любопытное, а может быть, и закономерное явление: успехи японской экономики и победы над «закатывающейся Америкой» идеологи национализма объясняют не экономическими причинами, а главным образом уникальностью японской расы. Слово «раса» употреблено не случайно. Дело в том, что в японском языке есть несколько слов, которые на первый взгляд синонимичны, – миндзоку (нация), минсю (народ), симин (граждане), кокумин (народ страны). Если слова минсю и кокумин обычно используют в официальных документах, то слово миндзоку любят употреблять националисты, в особенности из «киотоской школы», к которой причисляет себя и Накасонэ. Его любимое выражение Ниппон миндзоку (японская нация) и даже Ямато миндзоку (нация Ямато)[13]. Суть в том, что миндзоку идентичен нацистскому образу народа, – народа расовой чистоты и идейного единства. Представители «киотоской школы» как раз и называют себя «выразителями духа нации». В чем же преимущества «избранной нации Ямато»? Ответ на этот вопрос можно найти у Т. Умэхара, которому Я. Накасонэ в бытность свою премьер-министром доверил создание Института японологии, призванного утвердить и научно доказать национальную исключительность японцев.

Рассуждения философа на этот счет (а Умэхара долгие годы изучал западную, в основном немецкую философию, в которой он, впрочем, затем разочаровался), прямо скажем, не тривиальны[14]. Они могут поразить любого неискушенного читателя. Главный его тезис заключается в том, что японская нация начала формироваться 12 тысяч лет назад, а это на 4 тысячи лет раньше, чем зарождение цивилизации в Месопотамии. Первое открытие, сделанное Умэхара. Через две тысячи лет, по его мнению, начала развиваться и японская культура, получившая название культуры Дзёмон. Японского философа при этом не смущает, что археологические данные относят развитие этой культуры к эпохе неолита, то есть к VIII–III векам до н. э.[15]. Такие «мелочи» Умэхара не беспокоят. Главное, что уже 10 тысяч лет назад зародилась «духовная культура», которая жива в сознании японцев и по настоящее время. Философ дает самую высочайшую оценку этому периоду и считает, что «изучение культуры Дзёмон жизненно необходимо не только для Японии, но для всего мира, для всего человечества»[16]. Ни много, ни мало.

Наверное, в этом резон есть. Если культура Дзёмон – это первый очаг цивилизации на земном шаре, тогда, конечно, изучать надо. Вот только первый ли? Но это уже детали.

Умэхара делает еще одно открытие, столь же неожиданное, как и первое. Оказывается, айну – это потомки людей эпохи Дзёмон, то есть айну – самая наичистейшая часть японской расы. При этом Умэхара в диалоге с Накасонэ не преминул польстить тогдашнему премьер-министру, что черты его лица явно носят следы происхождения от людей Дзёмон. На что премьер ответил: он действительно айну[17]. До чего только не доведут националистические изыскания философов и политиков? Парадокс в том, что именно айну являются наиболее притесняемой частью японской нации — всем известный факт, который, правда, сам Накасонэ отрицает. Ну, коль скоро Умэхара сделал подобные «открытия», уже становятся неувидительными и более мелкие, наподобие того, что концепции «взаимного доверия», «равенства» и «справедливости» были сформулированы принцем Сётоку-тайси, то есть в конце VI–начале VII века н. э. Все это напоминает анекдот об Иване Грозном, который «насквозь» видел человека задолго до открытия Рентгеном своих лучей.

Идея «первичности» японской нации с ее «уникальными» культурными ценностями логично приводит последователей идеологии «японизма» к концепции «исключительности» расы Ямато. Отметим, что современные неонационалисты ничего оригинального в эту концепцию не привнесли. С аналогичными аргументами выступали в 20–30-е годы тогдашние идеологи национализма и фашизма[18]. Закономерно при этом то, что как довоенные, так и современные апологеты национализма черпали свои идеи из трудов таких немецких философов, как Ницше, Фихте и Хайдеггер. Главное достоинство этих философов, особенно двух последних, они усматривают в их мистическом трансцендентализме, торжестве духа над телом, иррациональности над рациональным. По мнению, например, филолога С. Ватанабэ, именно такими качествами обладают японцы, именно в этом как раз и состоит «уникальность» японской нации.

Совершенно естественно, что в центре дискуссии о происхождении японцев фигурирует извечная тема места императора в обществе, его культа в синтоизме, отношения к милитаризму. Круг вопросов, которые еще до начала 80-х годов считались «запретными», ныне получает самое детальное освещение в средствах массовой информации. Причем, и это следует особенно подчеркнуть, население

Японии в целом с пониманием и даже одобрением относится к обсуждению этих тем. Опросы общественного мнения показывают возрастающий интерес японцев к возврату «к традициям», к развитию «чувства уважения» к императору. При этом такой «интерес» наиболее проявляется у молодых японцев (16–19 лет) и меньше у лиц старше 65 лет[19].

«Сегодня настало время вновь утвердить национальную самобытность»

Эти слова, принадлежащие Накасонэ[20], находят отклик среди немалой части японского населения. Возникает вопрос: что стимулирует поддержку подобных лозунгов? Чуть ли не все специалисты в один голос утверждают, что подъем национализма вызван экономическими успехами японцев. Так ли это?

Действительно, экономическое процветание в Японии формирует чувство законной гордости у японцев. Но может ли богатство служить базой для национализма? Не берусь однозначно утверждать, но полагаю, что не может. Почему? Вспомним историю. Господство Великобритании в XIX века, как известно, не породило национализма в стране. Подобные настроения возникли после второй мировой войны, когда значение Англии в глобальной политике резко упало. Такая ситуация вызывала чувство неудовлетворенности, которое трансформировалось в всплеск национал-шовинизма после победы на Фольклендах. Чувство неудовлетворенности было частично удовлетворено. Французский национализм подогревался чувством зависти к Англии еще со времен 100-летней войны. Стремление поставить Англию «на колени» постоянно стимулировало французскую внешнюю политику и в определенной степени обусловило войны Наполеона. После 1870 года французский национализм питался чувством реванша против Германии. В самой Германии идеи об исключительности германской расы, немецкого духа, идеологически сформулированные у Фихте и Ницше, порождались чувством неудовлетворенности положением страны Среди других великих европейских держав. Неудачная попытка взойти на пьедестал закончилась унижительной капитуляцией в 1918 году. Чувство унижения. Вызвавшее одновременно чувство реванша, в свою очередь вновь возродили националистические теории о превосходстве «германского духа» в форме национал-фашизма, разработанный М. Хайдеггером, Ю. Штрайхером, А. Розенбергером, К. Хаусхофером и другими идеологами и философами.

Мы бы погрешили против истории, если бы считали, что национализм представляет собой сугубо негативное явление. В моменты формирования наций он играет исторически прогрессивную роль. Достаточно вспомнить возрождение русского или китайского духа в ответ на татаро-монгольское и маньчжурское иго. В таком же ключе можно квалифицировать и американский национализм XVIII века, служивший идеологической основой в борьбе против английского господства. Другими словами, национализм прогрессивен в периоды формирования наций, ее защиты от внешних врагов, то есть когда он выполняет функцию сохранения и развития самобытности нации. Но национализм сразу же превращается в свою противоположность – в шовинизм – как только он становится платформой теории национальной исключительности, превосходства одной нации над другой.

Национал-шовинизм в идеологии приобретает характер гегемонизма в политике, поскольку идея сверхисключительности нации не может не вести к идее господства над всем миром. Такая логика в свое время послужила обоснованием политики захватов фашистской Германии и Италии, а также милитаристской Японии. Следует отметить, что воспроизводящим фактором подобной «логики» выступает противоречие между осознанием исторической миссии «сверхнации» на международной арене и ее реальными возможностями.

Это явление в обнаженной форме проявляется и в современной Японии. Националистические круги этой страны объясняют экономические успехи своеобразием японской культуры, традиций, особым мышлением японцев. Не будем гадать, как развивалась бы Япония после войны, если бы не была осуществлена демократизация по западным образцам, если бы она не получила долларовые вливания в экономику и если бы не имела возможности использовать западные «мысли» в виде лицензий и т. д. Главное, несмотря на эту послевоенную «вестернизацию», Япония сохранила свою самобытность, и прежде всего благодаря ей, как утверждают националисты, японское общество добилось процветания. В западных же цивилизациях острые экономические кризисы сопровождаются такими негативными явлениями, как наркомания, проституция, рост преступности. Особенно это относится к США. Средства массовой информации, обнажая язвы американского общества и не жалея для этого черных красок, довольно умело стимулируют антиамериканские настроения у японского населения, вызывая чувство раздражения поведением «нахальных янки» в их стране. В 80-е годы подобные настроения ощущают на себе не только американцы, но и европейцы, не говоря уже о

высокомерии, которое испытывают на себе представители азиатских народов из стран ЮВА. По данным опроса газеты «Асахи», проведенного в 1983–1984 годах, 80 % респондентов заявили, что «японский народ относится к высшим расам мира»[21]. Казалось бы, что еще надо? Дело же в том, что синдром «высокомерия» одновременно сопровождается чувством «унижения», чувством «зависимости». На эту взаимосвязь уже обращали внимание ученые. Так, один из них, профессор истории и литераторы С. Като, указывая на истоки современного национализма, пишет, что он питается «во-первых, экономическим динамизмом и широко разрекламированным процветанием японского общества, во-вторых, пассивностью во внешней политике и ее привязанностью к линии США»[22]. Но дело, видимо, не только в США. Не так давно неонационалисты пришли в неописуемую ярость, когда Накасонэ дал задний ход после нот протеста КНР в связи с намерением Министерства просвещения пересмотреть японские учебники, в которых агрессия Японии против Китая квалифицировалась бы в виде обыкновенной военной операции.

Ниппон-ё, кокка тарэ – Япония стань государством!

Этим призывом в 1980 году прославился в Японии социолог М. Симидзу. Идея лозунга довольно проста: пока Япония не приобретет ядерного оружия, она останется игрушкой в руках сверхдержав. Только ядерный статус страны делает ее государством[23]. Справедливости ради необходимо отметить, что эта идея сразу же подверглась серьезной критике влиятельных кругов правящей элиты Японии, в частности со стороны известного ученого и политика М. Иноки[24]. Гораздо большей популярностью пользуется умеренный вариант «огосударствления» Японии, другими словами, превращения ее в политическую сверхдержаву.

Необходимо при этом помнить, что разрыв между экономическим потенциалом Японии и ее политической ролью в мире давно угнетает правящие круги страны. Еще в начале 70-х годов политики, в том числе тогдашний премьер-министр Э. Сато, выдвигали задачу усиления политического влияния на международной арене. Не получилось. В начале 80-х годов снова вернулись к этой теме, и вновь осечка, Националистические круги считают, что эта задача не будет выполнена до тех пор, пока Япония не освободится от зависимости США. Речь идет не только о военно-политической зависимости, определяемой характером американо-японского договора безопасности. Положение младшего партнера в рамках этого договора, вынуждающее Японию следовать по пятам американской стратегии, вызывает чувство униженности,

ущемленности в рядах японских националистов. Это с одной стороны. С другой — даже в тех сферах, где на первый взгляд Япония обладает преимуществом над США, на самом деле не так все просто. Я имею в виду успехи Японии в конкурентной борьбе с американскими монополиями. Достаточно было этим монополиям искусственно взвинтить лихорадку на бирже, приведшую к взлету иены и падению доллара, как, будто по мановению палочки, японский экспорт в США удорожал чуть ли не вдвое. При этом надо иметь в виду, что почти 30 % японской экономики работает на экспорт. Следовательно, изменение курса валют ударило по японской экспортной промышленности, а фактически по всей экономике Страны восходящего солнца. В результате в 1986 году впервые за последние 11 лет прирост объема промышленной продукции был минимальным – 0,3 %. И хотя уже в следующем, 1987 году, темпы прироста промышленности резко подскочили вверх (на 10 %), однако в центре внимания японцев оказались атаки американских конгрессменов на компанию «Тосиба кикай», которая якобы нарушила запреты КОКОМ. В результате давления США часть руководителей компании ушла в отставку, другая была судима японским судом. Наконец, в 1988 году, Япония вынуждена была удовлетворить требования США по ликвидации таможенных ограничений на ввоз в страну американской сельскохозяйственной продукции, против чего в течение многих лет выступали японские крестьяне.

Националисты и правые в Японии вряд ли осознают столь высокую степень экономической зависимости от США, иначе они не выступили бы против доклада Мазкава (апрель 1986 года), в котором предлагались меры по расширению внутреннего рынка в целях «гармонизации» отношений с внешней средой, прежде всего с США. Этот доклад был воспринят ими как капитуляция Токио перед Вашингтоном, как очередное унижение «великой расы Ямато» перед янки[25].

Итак, решению задачи превращения Японии в великую военно-политическую державу, по их убеждению, должно предшествовать освобождение от протектората США. В этом русле действуют различные националистические и правовые группировки, активизировавшиеся в 80-е годы. Оплодотворяет их деятельность идеология национализма, внешнеполитическая часть которой опирается опять-таки на превосходство японской культуры. Из диалога между Умэхара и Накасонэ выясняется, что «человеческая раса не сможет выжить, опираясь только на принцип европейской цивилизации»[26]. Почему? Оказывается, потому, что в ее основу положен принцип «логоса», который стимулировал развитие культуры с упором на науку и технику,

игнорируя человека и духовные ценности. А потому единственный шанс для выживания человечества дает восточная культура, ибо она обращена к природе и человеку. Естественно, вершиной этой цивилизации является японская, берущая начало с эпохи Дзёмон, которую и следует осваивать всему человечеству. Запад себя исчерпал, больше учиться у него нечему. Всем теперь надо учиться у Японии. Умэхара провозглашает; «На Японию сегодня возложена важная глобальная миссия – стать мостом между Востоком и Западом, Севером и Югом»[27].

Было бы ошибочным полагать, что японский национализм имеет только антиамериканскую или антиевропейскую заостренность. Его адресатом является весь мир. Возникает естественный вопрос: есть ли будущее у японского национализма? По-разному отвечают на него. Мы же последуем совету Умэхара иностранцам цитировать Басё. На ум пришло такое его трехстишие[28]:

Моно изба Кути бури самуси Аки-но кадзэ.	Слово скажу - леденеют губы. Осенний Вихрь!
--	---

Ставшая уже давно пословицей, эта хайку означает: осторожность иногда заставляет промолчать.

Олег Арин [Р.Ш-А. Алиев]

Опубликовано в “Проблемы Дальнего Востока”, 1990, №1, с. 82–91.

[1] Цит. по: Spiegel. 1987. January 12. S. 139.

[2] При анализе данной проблемы автор в значительной степени опирался на материалы социолога-японоведа М. Корнилова, обработавшего громадное количество японских и западных источников по данной теме. См., например, его статью «О типологии японской культуры» (японская культура в теориях «Нихондзин рон» и «Ннхон бунка рон») в книге: Япония: культура и общество в эпоху НТР. М., 1985. С. 36— 58.

[3] See: Managing an Alliance: The Politics of U. S. - Japanese Relations. - Wash., 1976. –P. 109.

[4] Y. Sakamoto. Japan in Global Perspective // Bulletin of Peace Proposal? Oslo 1982.— № 1.- P. 5.

[5] А. Н. Курицын. Управление в Японии: организация и методы. – М., 1981. С. 91. См. также: В. А. Пронников, И. Д. Ладанов. Управление персоналом в Японии. Очерки. – М., 1989. – С. 163 - 166.

[6] See: K. Mushakoji. The Cultural Premises of Japanese Diplomacy // Japan Interpreter – 1972, № 3, 4. – P. 282- 292.

[7] U.S. – Japan Communication. — Discord in Pacific: Challenges to the Japanese. – American Alliance, Wash., 1972. – P. 167,

[8] Japan 1988. An International Comparison, Tokyo, 1987. – P. 56.

[9] Japan Times. 1987. August 9.

[10] Цит. по: Spiegel. 1987. January 12. S. 116, 119, 122. Мацуо Басё (1644–1694) –классик японской поэзии.

- [11] За рубежом. 1987. – № 26. - С. 8.
- [12] В соответствии с международными сопоставлениями макроэкономических показателей в 1987 г. ВВП США был равен 3191,6, а Японии – 1220,4 млрд. «международных долларов» 1980 года // Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1988 и начало 1989 года (Приложение к журналу «МЭ и МО»). Что же касается расходов на НИОКР, то нередко приводимые в печати цифры не отражают реальности, поскольку не учитывают курс валют. Объективную картину дают японские источники, в соответствии с их данными в 1986 году расходы на НИОКР в США достигали 193,3 трлн. иен, в Японии – 84,2 трлн. иен, а долларах, по курсу 1986 года, это означало 114,7 и 49,9 млрд. долл. // Кагаку гидзюцу еран. Ежегодник статистики по науке и технике. 1987. Токио, 1988 (май). С. 30, 181.
- [13] Ямато - древнее название Японии.
- [14] Его рассуждения были сформулированы в диалоге с Я. Накасонэ, опубликованном в “Бунгэй сьундзю” в февральском номере 1986 года. Затем этот диалог был переведен на английский язык и опубликован в том же году // See; The Flow of World Civilization and Japan’s Role in the 21st Century. A dialogue between Prime Minister Yasuhiro Nakasone and Professor Takeshi Uehara.—Prime Ministers Office. –Japan. 1986, Наконец, они были изложены в журнале Far Eastern Economic Review (далее – FEER). 1987. 19 February.
- [15] См.: Ю. Д. Кузнецов, Г. Б. Навлицкая. И. М. Сырицын. Истории Японии.— М., 1988. – С. 9. Многие авторы, однако, ограничивают период Дзёмон V—I веками до н. э. // К. М. Попов. Япония. – М., 1964. – С. 36
- [16] FEER. 1987, February 19. P. 82.
- [17] Там же.
- [18] Подр. см.: Тосака Дзюн. Японская идеология. М., 1982; Кодзай Ёсисигэ. Современная философия. Заметки о “духе Ямато”. М., 1974.
- [19] Японское общество и культура. – Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН АН СССР, 1984. Выпуск 2. С. 19.
- [20] FEER. 1987. 19 February. P. 82.
- [21] Ibid. P. 87.
- [22] Ch. Kato, GNP Nationalism on the Upswing // Japan Quarterly. 1988, № 1. P. 3.
- [23] И. Симидзу. Ниппон ё, кокка тарэ: каку-но сэнтаку—Япония стань государством! Ядерный выбор // Сёкун. 1980. № 7.
- [24] М. Иноки. Кусотэки хэйвасюгн-кара кусотэки гункокусюги-мадэ – От утопического пацифизма к утопическому милитаризму // Тюо корон, 1980. № 9. 24 FEER. 1987. 19 February. P. 89.
- [25] FEER. 1987. 19 February. P. 89.
- [26] The Flow of World Civilization. P. 11.
- [27] Ibid. – P. 13
- [28] Японские трехстишия / Пер. с яп. Веры Марковой. М., 1973. С. 9.

